

УДК 821.161.1.09

**«ГОСПОДЬ, МЕНЯ ГОТОВЯ К БОЮ...»
БАТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ А.К. ТОЛСТОГО**

П. С. Громова

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела и литературного
творчества*

В статье рассматриваются батальные мотивы в лирических стихотворениях и балладах А. К. Толстого в свете того, как с их помощью раскрывается социально-политическая и творческая позиция писателя.

Ключевые слова: *А. К. Толстой, русский романтизм, романтический историзм.*

Изображение исторической действительности в художественной литературе представить без батальных сцен невозможно. Военные конфликты являются неотъемлемой частью мировой истории. С некоторой точки зрения «история человечества представляется исключительно историей войн, которые и были, якобы, движущей силой человеческой эволюции» [5, с. 19]. Описания сражений, локальные и панорамные картины боя не только обостряют сюжет, делая его более притягательным для читателя, но и в известной мере усиливают его достоверность, наряду с бытописанием и характерологией способствуя формированию целостного представления о той или иной эпохе.

Вместе с тем изображение исторически значимых, малоизвестных или вовсе вымышленных сражений в художественных произведениях подчинено единым законам, продиктованным эстетическими принципами того или иного литературного направления, а также творческими установками и воззрениями самого автора. Так, в романтическом историческом романе «исторические события изображаются, исходя из закона исторической перспективы, вытекают из предшествовавших им явлений и соответственно подготавливают новые, исторически прогрессивные события» [4, с. 100–101]. Военные действия в таком свете часто видятся открытым противостоянием не только конкретно-исторических, социально-политических, но и высших сил, а во взаимосвязи событий писатель прозревает сакральный нравственно-философский смысл истории. Все это в полной мере относится к историческим произведениям А. К. Толстого и более всего к роману «Князь Серебряный», где особо значимыми становятся нравственные общечеловеческие вопросы чести, справедливости, чувства собственного достоинства, выбора и т.д., а за конфликтами героев просматривается извечное противостояние добра и зла [2, с. 110–123]. Жанр романа позволяет совмещать эти два пласта – конкретно-исторический и абстрактно-философский, не умаляя ни один из них. Однако представляется интересным обратиться и к поэзии Толстого, поскольку она, и

в частности батальные мотивы в ней, могут расширить наши представления о взглядах писателя, его мировоззренческих и художественных принципах.

В лирическом наследии Толстого мотив борьбы, боя встречается достаточно часто. Так, ведущим он становится в одном из программных стихотворений Толстого «Господь, меня готовя к бою...» (1857). Разумеется, речь идет не о настоящем сражении, бой и связанные с ним реалии понимаются не буквально, а метафорически:

Господь, меня готовя к бою,
Любовь и гнев вложил мне в грудь,
И мне десницею святою
Он указал правдивый путь;
Одушевил могучим словом,
Вдохнул мне в сердце много сил,
Но непреклонным и суровым
Меня господь не сотворил.
И гнев я свой растратил даром,
Любовь не выдержал свою,
Удар напрасно за ударом
Я отбивая устаю.
Навстречу их враждебной выюги
Я вышел в поле без кольчуги
И гибну раненый в бою [7, т. I, с. 91].

Под «боем» здесь понимается вся человеческая жизнь, и для Толстого это не только высокие поэтизмы, но и реальная позиция. Среди современников писатель отличался независимыми и оригинальными взглядами на русскую историю и государственность, глубоко критически относился к состоянию русского общества второй половины XIX столетия. Толстой не признавал атмосферы чиновничества, поддобирастия и лицемерия, царившей при императорском дворе. Всем этим он ставил себя в оппозицию высшему русскому обществу того периода, что парадоксальным образом все же совмещалось с его собственной довольно высокой должностью придворного камердинера и активной писательской деятельностью. Однако необходимость отстаивать свою гражданскую позицию и социально-политические идеалы (вплоть до личных писем императору Александру II – например, письмо о необходимости сохранения архитектурных памятников Москвы [7, т. IV, с. 343–344]) наложила свой отпечаток на поэтическую картину мира Толстого. Жизнь для лирического героя его стихотворений – это бой, битва, и битва сложная, где нет своих и чужих, но есть правда, близкая и понятная герою, которую нужно отстаивать. В этом свете интересно другое программное стихотворение Толстого (1857):

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоим досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не смог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,

Я знамени врага отстаивал бы честь! [7, т. I, с. 95]

Это стихотворение часто понимается очень узко, в свете литературной борьбы и журнальной полемики конца 40-х – 50-х гг., возникшей между сторонниками реалистического направления в литературе и представителями «чистого» искусства. Так, М. А. Дмитриева пишет: «И культурная среда, окружавшая с детства, и обстоятельства воспитания А. К. Толстого способствовали формированию мировоззрения, позволившего писателю занять особое место в культурном контексте эпохи: он действительно был «двух станом не боец» и принципиально дистанцировался от всякого рода идеологем как официальных, так и противостоящих им» [3, с. 117]. Однако следует обратить внимание на историю создания этого стихотворения. Первоначально оно называлось «Галифакс» и было посвящено английскому государственному деятелю Д. Галифаксу (1633 – 1695), в виду своих необычных историко-философских взглядов отличавшемуся особой строгостью к своим политическим союзникам и дружеским отношением к умеренным противникам [8, 448]. Впоследствии заглавие стихотворения было снято самим автором, так как в значительной степени выражало социальную и гражданскую позицию самого Толстого.

Герой лирики Толстого не только не находит своего места в противоборствующих лагерях, не ощущая ни духовной, ни идеологической близости с ними. Для него благородные, рыцарские идеалы борьбы оказываются выше стремления к победе; но и сама правда встает между героем и всем остальными. Герой лирики Толстого – романтический боец-одиночка, который не может обрести ни полных единомышленников в своей борьбе, ни союзников, с которыми сложились бы доверительные отношения. Поэтому развернутая метафора боя и понимание жизни во всех ее сферах как битвы так важно для осмысления лирики Толстого и его личности. В таком свете отнюдь не случайным представляется то, что именно эти лирические произведения стали программными. Но интересно рассмотреть и менее известное стихотворение Толстого (1859):

Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни покою!

С жизнью бороться приходится, с бабой-ягою.

Старая крепко меня за бока ухватила,

Сломится, так и гляжу, молодецкая сила.

Пусть бы хоть молча, а то ведь накинута с бранью,

Слух утомляет мне, сплетница, всякою дрянью.

Ох, насолили мне дразги и мелочи эти!

Баба, постой, погоди, не одна ты на свете:

Сила и воля нужны мне для боя иного –

После, пожалуй, с тобою мы схватимся снова! [7, т. I, с. 112]

Горькая ирония этого стихотворения вполне отражает отношение поэта к жизни, проходящей под гнетом необходимости каждый день противостоять мелочному, злословному филистерскому миру, тогда как душа поэта создана для иного, высокого, боя. Творчество Толстого является тем редким случаем, когда романтические идеалы, выраженные в художественных произведениях, не ограничены ими. Прежде всего жизненные принципы самого Толстого отвечали высоким идеалам свободы, чести, благородства, любви и дружбы.

Поэтому развернутая метафора боя в лирических стихотворениях писателя отнюдь не является случайной. Она помогает прояснить жизненную и творческую позицию писателя.

Толстому не пришлось участвовать в настоящих военных действиях. В 1855 г., во время крымской войны, он хотел организовать особое добровольное ополчение, но это не удалось, и он поступил в так называемый «стрелковый полк Императорской фамилии». Почти сразу же Толстой заболел тифом и едва не умер от болезни, так и не приняв участия ни в одном сражении.

Отсутствие собственного опыта не мешало Толстому ярко и реалистично изображать в своих произведениях настоящие, неметафорические батальные сцены. Это касается его баллад на исторические темы, таких, как «Ночь перед приступом» (1840-е гг.), «Три побоища» (1869), «Гакон слепой» (1869–1870), в юмористической балладе о крещении Руси «Песня о походе Владимира на Корсунь» (1869). В балладе «Боривой» (1870), имеющей подзаголовок «Поморское сказание», в ярких красках описывается морское сражение, баллада написана в лучших традициях оссианизма и вальтер-скоттовского направления в литературе.

«Говоря о романтической традиции, следует отметить, что А.К. Толстому оказался близок не декабристский и не байронический ее вариант, а скорее предромантизм с его увлечением фольклором и национальной историей» [1, с. 8]. Действительно, большая часть баллад Толстого основана на сюжетах, заимствованных из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Однако не национальный колорит, а нравственная проблематика выступает в этих произведениях на первый план.

В балладе «Ночь перед приступом» противопоставляется поведение двух воинств перед битвой. Поляки с «дружиною наемною» (волохи, угры, цыгане) «пришли войной неправою», «пришли <...> громить святую Русь» [7, т. I, с. 143-144]. Они пьют и пляшут вокруг костров, хвалятся «делами душегубными». Их поведение вызывает скрытое, но справедливое возмущение повествователя. Оно усугубляется тем, что все бесчинства захватчики учиняют на кануне великого святого праздника Покрова. Их поведению противопоставляется обстановка в стане русских воинов, а точнее, в лесном монастыре, где монахи-воины, не прекращая молитв и песнопений, готовятся встать на защиту Руси от иноземных захватчиков. Они

И в панцирях изрубленных,
И в шлемах, и в тафьях, <...>
Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держат грозною
Кресты или топоры.
Это опытные воины, которые уже
Не раз, сверкая взорами,
Они в глубокий ров
Сбивали шестоперами
Литовских удальцов [7, т. I, с. 145].

Но русские воины не хвалятся былыми подвигами, они отнюдь не гордятся тем, что им приходилось убивать. Они замаливают невольные грехи,

и святые глядят на них с «любовию» и умилением, обещая защиту русской земле.

Повествователь, разумеется, оказывается на стороне русских воинов. Интересно меняется манера ведения повествования в финале баллады: автор словно призывает читателей вступить в праведный бой вместе с русскими воинами и отстоять родную землю: «Несчетными станицами // Идут они вдали, // Приляжем за бойницами, // Раздуем фитили!» [7, т. I, с. 146].

В балладе «Три побоища» трагический пафос войны углубляется. Сопоставляются уже не станы противников, а последствия трех разных битв. Бывшие противники в этом свете уравниваются: в каждой стране плачут о погибших, ощущается разорение и горе. Интересна композиция баллады, напоминающая стихотворение А.С. Пушкина «Ворон к ворону летит...»:

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый... [6, с. 178]

Так три ворона рассказывают о трех страшных побоищах, унесших много человеческих жизней. Война предстает как пиршество темных сил, которые символизируют вороны. Но самое страшное то, что эти три битвы не последние:

...Братья княжие друг друга корят,
И жадные вороны с кровель глядят,
Усобицу близкую чужья... [7, т. I, с. 174]

Так славная битва оборачивается национальной трагедией и торжеством зла.

В позднем творчестве Толстого драматическое изображение картин боя становится доминирующим. Особенно ярко эта тенденция воплотилась в балладе «Гакон слепой». Это произведение Толстого стоит несколько особняком: его правильнее было бы считать не балладой, а написанной в стихах философской притчей. Согласно сюжету, князь зовет на битву с захватчиками его земли древнего могучего богатыря Гакона. Но тот, будучи слепым, рубит и своих, и чужих, не разбирая:

И с новой напер на врагов он (князь – Г. П.) толпой,

Просек через свалку дорогу,
Но вот на него налетает слепой,
Топор свой подъявши. «Да стой же ты, стой!
Никак ошалел он, ей-богу!
Ведь был ты без нас бы иссечен и стерт,
Что ж рубишь ты, черт,
Свою же подмогу?»

Но от расходился, не внемлет словам,
Удар за ударом он садит... [7, т. I, с. 184]

Наконец, Гакон успокаивается и опускает оружие. Но к этому времени убиты «и прав и не прав», богатырь остался едва ли не один на поле боя. Баллада оканчивается трагической картиной: слепой Гакон и пораженный случившимся князь идут по полю брани, где, кроме них, больше нет ни одного живого человека. Так великая сила, разбуженная князем, становится причиной гибели множество людей. Князь – воплощение власти, и его необдуманный поступок приводит к трагическим последствиям. Слепота в этой балладе может быть понята не только буквально (слепота богатыря Гакона), но и метафорически: никем не управляемая сила губит и правых, и виноватых. В богатыре Гаконе видится воплощение русского национального характера, каким его понимал Толстой: огромная затаившаяся сила, не злая, не темная, но страшная, поскольку, выходя из-под контроля, она способна сокрушить все на своем пути. В поступке Гакона видится прообраз «народного гнева» – великой смуты, революции, последствия которой ужасающие.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что батальные мотивы в творчестве Толстого оказываются очень значимыми. Метафоры боя и битвы в лирических стихотворениях раскрывают творческую концепцию и жизненную позицию писателя, а славные исторические сражения со всеми присущим им драматизмом противопоставляются мелочной безгеройной современности и вместе с тем являются посланием к потомкам, своеобразным напоминанием об исторической ответственности.

Список литературы

1. Барашкова, Е. В. Проблема русского национального характера в исторических произведениях А. К. Толстого [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. В. Барашкова ; Моск. гос. ун-т. – М., 2009. – 21 с.
2. Громова, П. С. Граф Краснорогский. История и мистика в творчестве А. К. Толстого [Текст] / П. С. Громова. – Тверь : Изд. Кондратьев А. Н., 2013. – 149 с.
3. Дмитриева, М. А. Проблема идеала в творчестве А.К. Толстого [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / М. А. Дмитриева ; Новг. гос. ун-т. – Великий Новгород, 2006. – 164 с.
4. Ладыгин, М. Б. Романтический роман [Текст] : Пособие по спецкурсу / М. Б. Ладыгин. – М. : Мос. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1981. – 152 с.
5. Першиц, А. И., Семенов, Ю. И., Шнирельман, В. А. Война и мир в ранней истории человечества [Текст] : в 2 т. / А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман. – М. : Уч. операт. полиграфии Института этнологии и антропологии РАН, 1994. – Т. 1. – 245 с.
6. Пушкин, А. С. Стихотворения. Поэмы [Текст] / А. С. Пушкин. – М. : Правда, 1984. – 496 с.
7. Толстой, А. К. Собрание сочинений [Текст]: В 4 т. - М.: Правда, 1980.
8. Ямпольский И.Г. Примечания [Текст] / И. Г. Ямпольский // Толстой А. К. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Правда, 1980. – Т. 1: Лирика, баллады, былины и др. – С. 433–490.

**"MY LORD, I HAVE PREPARED FOR BATTLE ..." BATTLE MOTIVES IN
A.K. TOLSTOY'S POETRY**

P. S. Gromova

Tver State University

The department of philology basics of publishing and literary creation

In the article are considered the battle theme in A. K. Tolstoy's lyrical poems and ballads in the light of how it is used to reveal the social and political position of the writer.

Key words: *A. K. Tolstoy, Russian romanticism, romantic historicism.*

Об авторах:

ГРОМОВА Полина Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: pollygromova@rambler.ru